

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Московский завод плавленых сыров «КАРАТ» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 4 и пункта 2 статьи 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», статьи 4 и части 2 статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции», пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации

город Москва

1 апреля 2008 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи Л.О.Красавчиковой, проводившей на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы закрытого акционерного общества «Московский завод плавленых сыров «КАРАТ» (ЗАО «КАРАТ»),

у с т а н о в и л :

1. Товарные знаки «Дружба» и «Янтарь» были зарегистрированы в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания

Российской Федерации соответственно 15 августа 2000 года за № 192657 и 4 октября 2000 года за № 194866 с приоритетом от 29 мая 1997 года на имя АОЗТ «Карат» (в настоящее время ЗАО «КАРАТ») в отношении товаров 29 класса МКТУ – «сыр плавленый» и услуг 42 класса МКТУ – «реализация сыра плавленого».

Управление Федеральной антимонопольной службы по Краснодарскому краю решением от 2 ноября 2005 года № 124 признало действия ЗАО «КАРАТ» по приобретению и использованию исключительных прав на комбинированные товарные знаки, включающие словесные обозначения «Дружба» и «Янтарь», противоречащими пункту 2 статьи 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 21 марта 2006 года, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции от 5 июля 2006 года, было удовлетворено требование ЗАО «КАРАТ» о признании указанного решения недействительным.

Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 октября 2006 года состоявшиеся по делу судебные акты отменены и в удовлетворении заявления ЗАО «КАРАТ» о признании недействительным решения управления Федеральной антимонопольной службы по Краснодарскому краю отказано, в связи с чем регистрация товарных знаков в части предоставления правовой охраны словесным обозначениям «Дружба» и «Янтарь» признана недействительной полностью. Определением от 17 января 2007 года ЗАО «КАРАТ» отказано в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации ЗАО «КАРАТ» просит признать противоречащими статьям 15 (часть 1) и 54 Конституции Российской Федерации пункт 2 статьи 10 Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 984-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (в редакции

Федерального закона от 9 октября 2002 года № 122-ФЗ) и часть 2 статьи 14 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», как допускающие, по мнению заявителя, применение содержащихся в них норм к правоотношениям по приобретению прав на товарные знаки, возникшим до их вступления в силу.

Кроме того, заявитель утверждает, что положение статьи 4, определяющее понятие «недобросовестная конкуренция», и пункт 2 статьи 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», статья 4 и часть 2 статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции» во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 10 ГК Российской Федерации противоречат статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 44 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку допускают возможность признавать действия хозяйствующего субъекта по регистрации в установленном порядке товарного знака, представляющего собой широко применявшееся ранее в коммерческом обороте наименование, актом недобросовестной конкуренции и формой злоупотребления правом в случае отказа правообладателя заключить лицензионные договоры на право использования таких товарных знаков.

2. Статья 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» утратила силу с 26 октября 2006 года, когда был введен в действие Федеральный закон «О защите конкуренции», однако положение ее пункта 2, согласно которому не допускается недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и использованием исключительных прав на средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг, воспроизведено в части 2 статьи 14 названного Федерального закона.

Определение понятия «недобросовестная конкуренция», данное в статье 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в основном

воспроизведено в пункте 9 статьи 4 Федерального закона «О защите конкуренции», согласно которому недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Следовательно, оснований для прекращения производства по жалобе ЗАО «КАРАТ» в соответствии с частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в данном случае не имеется.

3. Российская Федерация является участником международных соглашений в области защиты интеллектуальной и промышленной собственности – патентов, товарных знаков, промышленных образцов и т.д., в том числе Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, согласно статье 10.bis которой всякий акт, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах, считается актом недобросовестной конкуренции.

Такое понимание недобросовестной конкуренции было воспринято федеральным законодателем и нашло отражение сначала в Законе РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (статьи 4 и 10), а затем в Федеральном законе «О защите конкуренции» (пункт 9 статьи 4 и статья 14), трактующих недобросовестную конкуренцию как деятельность, направленную на получение преимуществ, которая может противоречить не только законодательству и обычаям делового оборота (пункт 1 статьи 5 ГК Российской Федерации), но и требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, что расширяет область судебного усмотрения в сфере пресечения недобросовестной конкуренции и связано

с многообразием форм и методов недобросовестной конкуренции, не все из которых могут прямо противоречить законодательству или обычаям делового оборота.

Положения статьи 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности восприняты антимонопольным законодательством Российской Федерации и в части, касающейся запрета на недобросовестную конкуренцию (статья 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», статья 14 Федерального закона «О защите конкуренции»). При этом из части 1 статьи 2 Федерального закона «О защите конкуренции» вытекает взаимосвязь условий применения соответствующих норм данного Федерального закона и определенных статьей 10 ГК Российской Федерации правовых последствий «злоупотребления правом» и «использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции», что позволяет суду в каждом конкретном случае с помощью понятийного аппарата антимонопольного законодательства (статья 4 Федерального закона «О защите конкуренции») обосновывать отказ в защите того или иного субъективного права в соответствии с пунктом 2 статьи 10 ГК Российской Федерации на основе исследования конкурентной тактики правообладателя. Разрешение данного вопроса, равно как и вопроса о возможности применения к действиям правообладателя по защите своего исключительного права норм о запрете недобросовестной конкуренции не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

4. В Определении от 20 декабря 2001 года № 287-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что в отличие от рыночной стоимости таких объектов интеллектуальной собственности, как объекты авторского и патентного права, которая во многом предопределяется их самостоятельной ценностью как результатов интеллектуальной творческой деятельности, рыночная стоимость приравненного к ним по предоставляемой защите товарного знака как

средства индивидуализации продукции зависит в первую очередь от признания этой продукции потребителем.

Из приложенных к жалобе ЗАО «КАРАТ» материалов следует, что словесные обозначения «Янтарь» и «Дружба» в качестве наименований плавленых сыров, выпуск которых, как было установлено Палатой по патентным спорам, длительное время (с 1965 года до даты приоритета – 29 мая 1997 года) осуществлялся независимыми производителями (по крайней мере, четырнадцатью предприятиями как в бывшем Советском Союзе, так и в Российской Федерации), в настоящее время входят в число широко известных потребителю и в силу этого дорогостоящих товарных знаков.

Отношения, возникающие в связи с правовой охраной и использованием товарных знаков (в том числе советских), до 1 января 2008 года регулировались Законом Российской Федерации от 23 сентября 1992 года № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», введенным в действие с 17 октября 1992 года. С учетом даты приоритета товарных знаков «Янтарь» и «Дружба» их правовая охрана в Российской Федерации предоставлялась на основании их государственной регистрации в порядке, установленном названным Законом, согласно подпункту 4 пункта 1 статьи 28 которого предоставление правовой охраны товарному знаку может быть признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если связанные с регистрацией товарного знака действия правообладателя признаны в установленном законом порядке актом недобросовестной конкуренции.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 20 декабря 2001 года № 287-О, отмена исключительных прав на зарегистрированные товарные знаки, в том числе на товарные знаки, представляющие собой широко применявшиеся ранее в коммерческом обороте наименования, привела бы к свободному использованию – в смысле статьи 4 Закона – товарного знака любым хозяйствующим субъектом, без принятия им на себя соответствующих обязательств в отношении качества

продукции. Это не только нарушило бы охраняемые в соответствии со статьей 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации права владельца интеллектуальной собственности, но и повлекло бы за собой существенное ущемление прав потребителей такой продукции.

Таким образом, сами по себе положения статьи 4 и пункта 2 статьи 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», статей 4 и 14 Федерального закона «О защите конкуренции» и статьи 10 ГК Российской Федерации, как направленные на пресечение недобросовестной конкуренции, позволяющие признавать действия, в том числе связанные с регистрацией и (или) использованием известных советских товарных знаков, актом недобросовестной конкуренции с последующим рассмотрением федеральным патентным ведомством вопроса о полной или частичной недействительности регистрации средства индивидуализации продукции (выполнения работ, оказания услуг), не противоречат правовой природе товарного знака, не являются препятствием для реализации добросовестным правообладателем зарегистрированного товарного знака своего исключительного права использовать его любым не противоречащим закону способом, распоряжаться товарным знаком и разрешать или запрещать его использование другими лицами и ограничивают права хозяйствующих субъектов, закрепленные в статьях 17 (часть 3), 19 (часть 1) и 34 Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой согласно статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации это необходимо в целях защиты прав и законных интересов других лиц.

Разрешение же вопроса о том, какие именно критерии квалификации различных форм недобросовестной конкуренции положены в основу их дифференциации в рамках того или иного конкретного дела, не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Кроме того, Конституция Российской Федерации

(статьи 118, 125 и 126) не допускает подмену судопроизводства по гражданским, административным или уголовным делам конституционным судопроизводством, в том числе при решении вопроса о том, какой закон должен быть применен при отсутствии специального законодательного регулирования соответствующих правоотношений.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 1 и 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Московский завод плавленых сыров «КАРАТ», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба признается допустимой, и поскольку разрешение поставленного заявителем вопроса Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственно.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

Судья-секретарь
Конституционного Суда
Российской Федерации

Ю.М.Данилов

№ 450-О-О